

Ю. Ю. Шевченко

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Ценностно-идеологемные компоненты концепта обломовщина в советском дискурсе

Шевченко Ю. Ю. Ціннісно-ідеологемні компоненти концепту обломовщина у радянському дискурсі. У статті розглядається об'єктивування ціннісного компонента концепту обломовщина. Аналізується динаміка ідеологемних сенсів концепту, що конструюється в текстах «лідерів думок». Образ Обломова і поняття «обломовщина» піддавалися багатократним ідеологемно-ціннісним змінам в історії російської лінгвокультури. Найбільш значимі оцінні зрушення, що супроводжували ідеологізацію лінгвокультурного концепту обломовщина, конструюються і транслюються в текстах відповідно до завдань радянської пропаганди. Результати аналізу дозволяють зробити висновок про те, що динаміка ідеологемно-ціннісного компонента має хвилеподібний характер, причому періоди гостро негативного відношення до явища змінялися періодами поблажливої і навіть схвальної оцінки. Актуальним представляється подальше дослідження аксіолінгвістичного потенціалу обломовщини як прецедентного феномену в мовній свідомості носіїв сучасної російської лінгвокультури.

Ключові слова: обломовщина, лінгвокультурологія, ідеологемний компонент, радянський дискурс.

Шевченко Ю. Ю. Ценностно-идеологемные компоненты концепта обломовщина в советском дискурсе. В статье рассматривается объективация ценностного компонента концепта обломовщина. Анализируется динамика идеологемных смыслов концепта, конструируемого в текстах «лидеров мнений». Образ Обломова и понятие «обломовщины» подвергались многократным идеологемно-ценностным изменениям в истории русской лингвокультуры. Наиболее значимые оценочные сдвиги, сопровождавшие идеологизацию лингвокультурного концепта обломовщина, конструируются и транслируются в текстах в соответствии с задачами советской пропаганды. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что динамика идеологемно-ценностного компонента имеет волнообразный характер, причем периоды остро негативного отношения к явлению сменяются периодами снисходительной и даже одобрительной оценки. Актуальным представляется дальнейшее исследование аксиолингвистического потенциала обломовщины как прецедентного феномена в языковом сознании носителей современной русской лингвокультуры.

Ключевые слова: обломовщина, лингвокультурология, идеологемный компонент, советский дискурс.

Shevchenko Yu. Yu. Ideologemno-valuable components of oblomovschina concept in the Soviet discourse. In article the objectivization of a valuable component of an individual and author's concept *Oblomovschina* is considered. Dynamics valuable meanings of a concept on material of texts of "leaders of opinions" is analyzed. Image of Oblomov and concept *Oblomovschina* were exposed to repeated ideologemno-valuable changes in the history of the Russian lingvokultura. The most significant estimated shifts accompanying ideologization of a concept *Oblomovschina* are designed and broadcast in texts according to problems of the Soviet promotion. Results of the analysis allow to draw a conclusion that dynamics of an ideologemno-valuable component has wavy character, and the periods of sharply negative attitude to the phenomenon are replaced by the periods indulgent and even an approving assessment. Further research of aksiolingvistic potential of *Oblomovschina* as case phenomenon in language consciousness of carriers of a modern Russian lingvokultura is represented actual.

Keywords: *Oblomovschina, lingual culture, valuable component, ideology, Soviet discourse.*

Ценностный (аксиологический) компонент лингвокультурного концепта является наиболее важной его составляющей [3, 4]. Тем не менее взгляды исследователей относительно сущности этого компонента неоднозначны. Одни ученые прежде всего обращают внимание на оценочность его репрезентантов, другие — на его значимость, актуальность для лингвокультуры, третьи — на номинативную плотность. Это говорит о том, что в лингвокультурологии, несмотря на значительное количество работ, на данный момент отсутствует удовлетворительная исследовательская мо-

дель и методика анализа аксиологического компонента концепта, что обуславливает актуальность данной работы.

С нашей точки зрения, составной частью такой модели должен стать идеологемный аспект рассмотрения ценностных характеристик концепта.

Б. Парыгин отмечает, что в существующей в обществе системе ценностей следует различать ценности санкционируемые и культивируемые официально, с помощью находящейся в распоряжении государства разветвленной системы средств (по Г. Г. Слышкину — идеологемные),

и ценности, которые функционируют лишь на уровне обыденного сознания [12:124]. В этой связи Г. Г. Слышкин в составе лингвокультурного концепта выделяет: а) с точки зрения реальности/нереальности концептуализируемого мира — фикциональную и фактуальную составляющие и б) с точки зрения преднамеренности / непреднамеренности формирования — идеологемную и нейтральную составляющие [13:9]. Конечно же, «ценности, санкционируемые и культивируемые официально» напрямую зависят от господствующей в данный момент времени идеологии, вследствие чего в определенный исторический период в обществе вырабатываются типизируемые оценки того или иного концепта, некоторые идеологические маркеры.

Лингвокультурный концепт отражает нормы поведения в обществе и ценности в определенный промежуток времени. Связь лингвокультурного концепта с социокультурным периодом выражается, в частности, в работах и высказываниях «лидеров мнений», материалах СМИ, текстах культуры (продуцируемыми кинематографом, театром и пр.). По мнению Г. Г. Слышкина, ценностная сущность лингвокультурного концепта выражается в том, что он регулярно подвергается фикциональному осмыслению и идеологической эксплуатации [13:124]. Динамика изменений идеологической наполненности влечет за собой изменения всего аксиологического комплекса концепта, поэтому мы считаем возможным в данном случае говорить о ценностно-идеологемной динамике лингвокультурного концепта.

Идеологемная сторона ценностного компонента лингвокультурного концепта обломовщина в советский период — предмет нашего анализа в данном исследовании. Материалом исследования были выбраны тексты В. И. Ленина — автора-идеолога, внесшего в интерпретацию концепта новые ценностные признаки.

На протяжении нескольких эпох русской истории, «в чередовавшихся исторических, политических и культурных ситуациях роман И. А. Гончарова всякий раз трактовался по-новому, причем менялась не характеристика образа — все сходилось на том, что в Обломове изображен сонный ленивец, — менялась оценка, отношение к герою» [2:151].

Опираясь на известные работы «лидеров мнений» со времен издания романа, можно констатировать, что образ Обломова и понятие обломовщины подвергались многократным идеологемно-ценностным изменениям. Причем идеологический смысл как таковой в истории концепта обломовщина был внесен публицистом и критиком Н. А. Добролюбовым в широко известной статье «Что такое обломовщина?», которая определила восприятие романа для многих последующих поколений. Тем не менее, несмотря на ее авторитетность и значимость, альтернативные оценки (снисходительное, мягкое отношение к Обломову), высказываемые А. Григорьевым, А. В. Дружининым и другими общественными деятелями,

также имели место. Все это формировало противоречивое, неоднозначное отношение к явлению как противовес резкой «социальности» добролюбовской трактовки. Однако революционный вихрь 1917 года смел такое понимание романа, и его носителей, а добролюбовский манифест об Обломове сделал каноническим текстом.

В формировании лингвокультурного концепта обломовщина особое значение имеет советский период, поскольку именно в это время конструируется его идеологемная составляющая. В. И. Ленин, обратившись в своей речи к теме обломовщины в русской культуре, говорил: «Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чесать, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел. На этот счет мы должны смотреть без всяких иллюзий» [7:305]. В. И. Ленин считает необходимым вести упорную и беспощадную борьбу с обломовщиной. Призывая рабочих и крестьян к борьбе с бюрократизмом, он отмечал: «От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой bestолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может» [10:199]. В 1904 году, в полемике с меньшевиками по вопросу о необходимости партийного устава, В. И. Ленин заявлял: «Людям, привыкшим к свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины, формальный устав кажется и узким, и тесным, и обременительным, и низменным, и бюрократическим, и крепостническим, и стеснительным для свободного «процесса» идейной борьбы. Барский анархизм не понимает, что формальный устав необходим именно для замены узких кружковых связей партийной связью» [7:31]. Говоря о принципиальной недопустимости соглашений революционной социал-демократии с кадетами, В. И. Ленин называет блок всех левых партий «обывательской, обломовской идеей» [8:281]. Образ этот повторен идеологом коммунизма и в борьбе с либералами: «...диалектика классовой борьбы такова, что никогда без крайней необходимости <...> буржуазия не заменит спокойного, привычного, доходного (обломовски-доходного) 10-часового рабочего дня 8-часовым» [9:124]. Согласно ленинской трактовке обломовщины, которая «еще не изжита до конца», в нее входят такие когнитивные признаки, как 'боязнь всего нового, передового', 'нерадивое отношение к труду', 'расхлябанность', 'беспечность' и 'бескультурие'.

Факты нередкого использования В. И. Лениным образа Обломова в политической борьбе является примером идеологизации литературного наследия в интересах «социалистического строительства и культурной революции».

Советско-марксистское литературоведение взяло на вооружение трактовку Н. А. Добролюбова и В. И. Ленина и несколько десятилетий активно ею пользовалось. Так обломовщина становилась «идеологическим инструментом» на службе у советских пропагандистов: «Быстрый рост социалистического хозяйства в период первой пятилетки и начала второй, сильнейшее развитие социалистических форм труда — ударничества и соревнования — обуславливают изживание экономической и культурной отсталости СССР. Социальная функция пережитков обломовщины в условиях второй пятилетки связана с сохранением и в некоторых случаях усилением буржуазно-кулацких влияний на отдельные слои и группы трудящихся» [10:451]. На XVI съезде партии Л. М. Каганович, подчеркивая важное значение в культурной революции проблемы новых кадров, указывал, что по темпам учебы мы до сих пор безобразно отставали: темпы у нас были обломовские [11].

Поздняя советская критика решила несколько оправдать Обломова и заняла оригинальную позицию: стала отделять Обломова и «лучшие» обломовские черты от сугубо негативной обломовщины. «Прямолинейное сведение характера Обломова к обломовщине, а затем — с другой стороны — неумеренные в их адрес восторги и «оправдания» вредили не только критическому, но и его утверждающему положительному смыслу. Приблизиться к глубинному содержанию (романа) — значит суметь отличить нечто обломовское от обломовщины, потому что при несомненном единстве Обломов и обломовщина не одно и то же» [6:38]. Однако попытка разграничить понятия не привела к их размежеванию, поскольку ничего вразумительного и конкретного не было названо в качестве аргументации этой концепции.

Дальнейшая эволюция идеологемного компонента концепта относится к позднему советскому периоду, так называемому периоду застоя. После выхода на экраны фильма «Несколько дней из жизни И. И. Обломова» в 1980 г. в дискуссии, разгоревшейся в журнале «Искусство кино» и на других печатных площадках, критиковали режиссера Никиту Михалкова за идеализацию обломовщины и неприятие Штольца и штольцевщины — словом, за то, что социально-обличительная добролюбовская трактовка романа бесследно исчезла из фильма. В картине Н. С. Михалкова и в самом деле нет и намека на обличение обло-

мовщины, но и яростно-гневливого отношения к штольцевщине не существует. Режиссер смягчает противостояние общественных «направлений», переводя конфликт романа И. А. Гончарова преимущественно в сферу личных отношений. Популярность духовных миров тех героев, которые живут в фильме, не может служить, по Михалкову, основанием для обвинительного и оправдательного приговоров [5].

Эпоха «застоя» ознаменовалась попытками оправдания главного персонажа и дистанцирования его от традиционно отрицательной обломовщины. Илья Ильич вдруг стал восприниматься как герой сугубо положительный, выразивший своей жизненной позицией кредо недеяния в условиях скверной действительности. «За бездействием Обломова, — писала Е. Краснощекова, — видится не только природная лень, воспитанное с детства иждивенчество, но и апатия — итог разочарования умного и честного человека в самой возможности настоящей деятельности» [6:39]. Иначе говоря, в эту эпоху Обломов предстает как «положительно прекрасный человек».

С позиций сегодняшнего дня нам вполне понятен этот переход от прежнего безусловного осуждения Обломова как отечественного символа недеяния (добролюбовская традиция) к полному оправданию героя. «Раньше Обломов казался плохим, теперь говорят: да, Обломов патологически ленив, но в этом-то и есть его заслуга и величие» [2:70].

На рубеже XX–XXI вв. Обломов и вовсе воспринимается «героем, о бездействии которого говорят как о поступке, более того, как о противостоянии наступающему прогрессу (в его бесчеловечной ипостаси)» [14:70].

То, что понятие обломовщина распространилось далеко за пределы художественной литературы и стало активно обсуждаемым общественным и культурным явлением, по нашему мнению — прямой признак конструирования лингвокультурного концепта. Опираясь на известные работы «лидеров мнений» со времен издания романа и до сегодняшнего дня, можно констатировать, что образ Обломова и понятие обломовщины подвергались многократным идеологемноценностным изменениям. Наиболее значимые, как нам кажется, оценочные изменения, сопровождавшие идеологизацию лингвокультурного концепта обломовщина, можно представить в виде таблицы, в которой выделены оценочные и образно-перцептивные признаки, появляющиеся и исчезающие в определенные исторические периоды в соответствии с идеологическим конструированием концепта в текстах лидеров мнений советского периода.

Время	Позитивная оценка	Автор	Негативная оценка
1859 г.	покой; заслуженный отдых; почетное бездействие;	Гончаров А. И.	разруха; запустение; неряшливость; неаккуратность; инертность; безволие; слабость; непрактичность; лень и апатия.
1859 г.		Добролюбов Н. А.	отвращение от серьезной и самобытной деятельности; нравственное рабство; безделье; апатия ко всему, что делается на свете; дармоедство; квиве-

			тизм.
1920-е гг.		Ленин В. И.	боязнь всего нового, передового; нерадивое отношение к труду; расхлябанность; беспечность и бескультурье; патриархальщина; полудикость.
1970-е гг.	«апатия — итог разочарования умного и честного человека в самой возможности настоящей деятельности»	Краснощекова Е.	природная лень; воспитанное с детства иждивенчество.

Как видим, динамика идеологемно-ценностного компонента имеет волнообразный характер, причем периоды остро негативного отношения к явлению сменяются периодами снисходительной оценки. И сегодня характеристики аксиологиче-

ского компонента концепта обломовщина остаются неоднозначными. Актуальным представляется дальнейшее исследование аксиолингвистического потенциала оболмовщины в индивидуальном языковом сознании носителей современной русской лингвокультуры.

Литература

1. Добролюбов Н. А. Что такое обломовщина? / Добролюбов Н. А. // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Отрадин М. В. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. — С. 34—68.
2. Кантор В. Долгий навек ко сну: Размышления о романе И. А. Гончарова «Обломов» / В. Кантор // Вопросы литературы. — 1989. — № 1. — С. 149—185.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. / Карасик В. И. — М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
4. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград — Архангельск: Перемена, 1996. — С. 3—16.
5. Кузнецова М. Несколько дней из жизни Обломова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russkoekino.ru/books/ruskino/ruskino-0103.shtml>
6. Краснощекова Е. «Обломов» И. А. Гончаров / Краснощекова Е. — М., 1970. — 256 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / Ленин В. И. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — Т. 6 — С. 310.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. / Ленин В. И. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — Т. 10 — С. 281.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. / Ленин В. И. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — Т. 16 — С. 320.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. / Ленин В. И. — М.: Издательство политической литературы, 1969. — Т. 33 — С. 199.
11. Обломовщина. В Архангельский // Литературная энциклопедия в 11 т. Т. 8 — М.: ОГИЗ РСФСР [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le8/le8-1652.htm>
12. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Парыгин Б. Д. — М.: Мысль, 1971. — 351 с.
13. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: дис. ... канд. филол. наук. спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 1999. — 322 с.
14. Шюманн Даниэль. Бессмертный Обломов. О внелитературной жизни литературного героя. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://www.goncharov.spb.ru/shumann/>